

ДИАЛОГ О ХАРАКТЕРАХ

с актером театра имени Волкова
Николаем КОВАЛЕМ

В театре актеры отдают на наш суд готовый спектакль. Художник представляет на выставку законченную картину. Мы смотрим — и оцениваем. Но ведь, чтобы лучше понять, иногда стоит заглянуть в мастерскую или репетиционный зал, когда работа только создается. А кто может быть лучшим проводником в этом скрытом от глаз зрителя мире? Конечно, сам художник, актер, композитор, кинооператор. Чрезвычайно интересно узнать взгляд самого мастера на тот вид искусства, которому он посвятил себя. Поэтому мы решили под рубрикой «ДИАЛОГИ ОБ ИСКУССТВЕ» устраивать заочные встречи творческой молодежи с нашими читателями. Сегодня — первая встреча.

— Николай, поскольку суть актерского труда состоит именно в бесчеловечной «переплавке» себя в иные характеры, возможно ли передать, как происходит этот процесс, как рождается художественный образ? Можно ли, а главное — нужно ли говорить о черновой работе актера и театра в целом? Не развеет ли это дымку тайнства, которая окружает каждое произведение искусства?

— Уверен: не только не развеет, но и поможет зрителю. Знание основ живописи обостряет наш художественный вкус. Тот, кто владеет музыкальным инструментом, воспринимает музыку ку-

да более серьезно. Также и в театральном искусстве. Знакомство с «лабораторией» творчества, диспуты о спектаклях, встречи с актерами, я считаю, чрезвычайно важная ступень в воспитании эстетического вкуса.

В концертной программе «Характеры», которую мы подготовили с Вячеславом Фогельманом, мы рассказываем о том, как происходит сценическое перевоплощение. Иллюстрируем это сценами и монологами. Представьте, слушают великолепно! Задают такие глубокие вопросы, что виден огромный интерес людей к театру.

— Так как все-таки одному человеку удается «выдавать

себя» за многих лиц? — Есть истина: в каждом из нас таится все. Актер должен в нужный момент вспомнить в себе те черты, которыми обладает его герой. Иногда это трудно. После роли Дзержинского в «Посольском дневнике» и «Мятеже на Волге» мне нужно было сыграть Джима в «Стеклозвернице» — бесшабашного малого, у которого сквозь развязность вдруг видится чистота и наивность. Знаете, пришлось совершенно перестроиться, абсолютно по-иному мыслить. И в своей жизни многое припомнить заново.

— Николай, с чего начинается театр? Только договоримся: вы смотрите на него с трех точек зрения. Опыт режиссерской работы в студенческом театре педагогического института (спектакли его, кстати, пользуются большой популярностью у молодежи), безусловно, выработал у вас взгляд на театр, как режиссера. Кроме того, вы — актер и вы — зритель...

— Я понимаю этот вопрос так: что важнее всего в нашем искусстве?

Пожалуй, мои представления, как актера и как зрителя, совпадают. Театр начинается с правды. С правды мыслей, характеров, конфликтов. Воображение драматурга может перенести нас в средневековую Данию, в захолустную деревеньку, в фантастический мир обитателей другой планеты. Это не суть важно. Главное, чтобы была художественная правда. Чтобы зрители верили в героев, вместе с ними любили, ненавидели. Бьют спектакли — на-

шего театра: «Снега», «Царь Юрий», «Человек и глобус», «Недоросль». Они разны по изображаемому конфликтам, разным по жанрам, но волнуют людей.

Если же говорить с позиции режиссера, то я — даже с великим удовольствием — припоминаю день, когда родился наш студенческий театр. До этого были студенты факультета общественных профессий, которые выучили роли, старательно выполняли указания режиссера — и все. Но вот в тот самый день мы взяли фанеру, вырезали из нее будто бы стену, раскрасили «под камень» и установили. И, представляете, у ребят загорелись глаза! Сработала какая-то внут-

ренняя пружина, и пошел тот самый процесс перевоплощения... Теперь я знаю также: театр начинается с веры актеров в себя. Конечно, при условии огромного труда, полной самоотдачи.

— А в чем суть внутреннего театра?

— Все большее значение приобретает в театре внутренняя сущность актера. Внешнее перевоплощение сводится к минимуму. Джима в «Стеклозвернице» и посла Гитлера во Франции Абеца в «Детях России» я играю, почти не прибегая к гриму. Именно внутреннее перевоплощение... В смысле жанра — тоже тяготение к внутренней динамике образов. Создают пьесы для двух лишь действующих

лиц, пьесы — монологи, почти лишенные действия, но держащие зрителя в неослабном напряжении. Например, в первом нашем студенческом спектакле «Вдова покойника» героиня его говорит одна более полутора часов!

— В Волковском театре сейчас идет смотр творческой молодежи. Отрадно, что есть кого смотреть. За последние два года труппа пополнилась молодежью, зрители оценили интересные актерские работы. Если говорить о планах молодых актеров, то что предстоит лично вам!

— Наш театр — хорошая школа для молодого актера. У заслуженных мастеров нам учиться и учиться! Я сейчас на третьем курсе Щукинского училища, так что в этом смысле планы вполне определенны: закончить. Мечтаю о режиссерской работе.

Театр педагогического института дал мне в этом отношении бесконечно много. Здесь я поставил свой первый спектакль. Теперь их уже несколько. Сейчас готовим сразу два спектакля — «Мари Октябрь» и «Зори здесь тихие». Так что театр — спектакли, репетиции, выступления — заполняет всю мою жизнь.

В. КАЗАКОВА.